

МОРФЕМЫ

Посредством речевого центра,
Бывает, выскочат слова,
Неблагозвучны, но бесценны,
Понятные, как дважды два.

Нет, я не отхожу от темы,
И не использую жаргон,
В основе их лежат морфемы,
Удобные со всех сторон.

Порой они бывают грубы,
Но тем доступны и легки.
Их знают все, как однолюбы,
Так и по бабам ходоки.

Их знают женщины и дети,
Таксисты, критики, врачи.
Волшебные морфемы эти
Признали даже палачи.

Они в составе предложенья
Являют нужный оселок
И формируют выраженье
Практическому смыслу впрок.

И каждый в радости и горе,
Познав отвагу или страх,
Их точно видит на заборе,
Нацеленных не в бровь, а в пах.

Умейте слушать с интересом,
Готов за вами подмести.
Уж коли вас послали лесом,
Туда и надобно идти...

УХО-ГОРЛО-НОС

Наверно, так решил Всевышний,
Оспорить это не спешу.
Люблю я сыр, как любят мыши,
На кухне ем его в тиши.

У холодильника, без света,
На табурет пристроив зад,
Я ем его, ведь есть примета,
Что свет испортит аромат.

Однако, помня чувство меры,
Ряд потребительских причин,
Я ломтик нежного Ламбера
Однажды в этом уличил.

И сколько я его не нюхал,
Такой, муссируя вопрос,
Закончил лишь прострелом уха,
В системе ухо-горло-нос.

И повторился этот случай,
И он пугает до сих пор,
Когда в такой же тьме колючей
Жевал я с плесенью Рокфор.

А раз пошло такое дело,
Терял былую крепость дух,
Когда я кушал Мацареллу,
Ее расхваливая вслух.

Откуда же пришло отмщенье,
Кто уши мне зажал и нос,
Неужто импорт в замещенье
Такую пакость мне принес?

В бездумном сыропоеданье,
Пойми, виновен только ты.
Храни свой орган обонянья,
Чурайся ранней глухоты.

ПЕЧАЛЬ

Вы не дразнитесь: тили-тили,
Пусть с дамой я, но мне полста,
Меня давно уж отлюбили
Во все доступные места.

Не гоже мужу в адюльтере,
Что без креста пенять, заметь.
Меня давно уж отымили,
Но снова шарятся иметь.

Немудрено в такой печали
Пожив, и вовсе одичать.
И по башке уж настучали,
Но заново пришли стучать.

Когда всего на свете мало,
И жажды леденеет страсть,
Пойми, что надобно — отпало,
Но снова норовит отпасть.

Чертоги бросив обжитые,
Мы сами бед своих творцы.
Ко мне святые в понятия
Уже намылились отцы.

СОЮЗ

Аванс некрупный выдан Музой,
Еще смешнее был кредит,
А потому поэт от пуза
Не ест, он дерзок и сердит.

Он добр с коллегами для вида,
Пусть ходит иногда во сне,
И эта склонность к суициду
Его оправдана вполне.

Пока поэт еще не старый,
Его и ждет, его и ждут:
Два с половиной санитары —
Психиатрический уют.

Бывает в сутки по три раза
На люстру вешает петлю,
В тисках журнального заказа,
Что я заочно разделю.

Повиснув где-то на минуту,
Познав коротко мир другой,
Он, с ощущеньем Абсолюта,
Забавно дрыгает ногой.

Поймав в качаньях и наклонах
Под ним ходящий табурет,
Супруга вмиг за панталоны
Его спасет, не сделав вред.

Она ему жена и Муза,
Несет лирический мотив,
Основу брачного союза,
Удачно с творческим скрепив.

ПРИЦЕП

Видя парня атипичного,
Что мешает пиво с водкой,
Не выказываю личного,
Принимаю это кротко.

Он зарплату остроумно
Не несет жене и детям.
Не стремится необдуманно
Деньги выбросить на ветер.

Умилось, и неожиданно,
Этой благодистой картинкой,
Коли к пиву мудро придана
Нашей водки четвертинка.

Потребляя квартиру добрую,
Он в бюджет через акцизы
Прибыль родине удобную
Вносит целым организмом.

И стучит, греха не ведая,
По столешнице таранью.
Это действие я исследую
И включу в повествованье.

Пусть знакомство мимолетное,
За бокалом и за чаркой,
Перейдет в общенье плотное,
Дружбу, временами яркую.

А потом попсу нетленную
Вместе выдадим фальцетом...
Пейте, люди, пиво пенное,
Обязательно с прицепом!

БРАТЯ ПО РАЗУМУ

К окуляру мерцающей ночью
Есть желание тихо прильнуть,
Разглядеть и осмыслить воочию
Тел небесных далекую суть.

В них мерещится без опасений
Млечный путь, навевающий сны,
В стороне от любых потрясений,
От бюджета семьи и страны.

Без иллюзий и всяких утопий,
Без платежей, пеней ЖКХ,
Точно истина есть в телескопе,
Что не знает земного греха.

Ты отныне уверенный практик,
Понимающий степень свобод,
Созерцанье спиральных галактик
Обращаешь в приход и расход.

Распахни небосвод для объятья,
Там, на звездных его полюсах,
Так же тужат по разуму братья
На балконе в семейных трусах.

ДУХОВНАЯ ПИЩА

Скажи мне, баннер придорожный,
Зачем рекламою кастрюль
На путь ты направляешь ложный,
Духовной пищи в коем — нуль?!

Восходит смыслом обреченный,
Попробуй только, сопряги,
Тревожный день сырокопченый,
Где свет — с подливою мозги.

А рядом на щите дощатом,
Занявшем маленький забор,
Сосиски манят, супостаты,
Сырокопченостей набор.

Прими же неизбежность, гений,
И выстрой совпадений ряд; —
Доступность слюновыделений,
Опасный, плотоядный взгляд.

А в сумме — некий дух исканий,
Который дерзко дразнит плоть,
Послеобеденных иканий
Не дав еще перебороть.

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ВОДОМЕТ

Без спроса, в сад явившись райский,
Бесцельно по нему сную,
Да и фонтан Бахчисарайский
Не шибко, в целом, узнаю.

На месте он, возле гарема,
Где казус плотских чувств возник,
И этому событию в тему
Наложнице пришел кирдык.

Там что-то сильно затупили
В суровый и кровавый век,
Кастраты деву утопили,
И хан ее не уберег.

Волненья сердца выражая,
Потом раскаялся всерьез
И, что почем соображая,
Фонтан придумал горьких слез.

Он, вроде, тот, но видом странный,
Пусть капает вода в тиши...
Быть может, словом иностранным
Назвать его он поспешил?

Но есть ли в словаре татарском
Аналог, что не прозвучал?
Верней всего, подарок царский
Гирей никак не величал.

Кто ж Аю-Дагом тайно грезит,
Экспансии погнал волну?
И почему француз к нам лезет
В словарь, как в Крымскую войну?

Пускай заимствований мúnет
Тлетворный иностранный гнет,
Фонтан я буду звать отныне
Российским словом — водомет!

Пусть славно он метает воду,
Ее гоня взад — вперед,
Дав слово верное народу,
Который Пушкина прочтет.

БЛАГОЙ ПОРЫВ

Благой порыв не выглядит ли глупо,
Когда пытливо и со всех сторон
Купюру в сто рублей рассматривая в лупу,
Увидишь, что в квадриге... голый Аполлон.

